

БАНЧУК А.*Эксперт Центра политико-правовых реформ (г. Киев, Украина)*

Начало досудебного расследования и негласные следственные действия в новом УПК Республики Казахстан: международные стандарты и практика их применения¹

Начало досудебного расследования

I. Начало досудебного расследования регламентировано Главой 23 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан² (статьи 179-186) (Далее УПК РК). Как известно, именно на стадии начала досудебного расследования у правоохранительных органов имеются все потенциальные возможности для нарушения прав потерпевшего путем отказа в принятии его заявления о совершенном уголовном правонарушении. Кроме этого, четкая регламентация момента начала досудебного расследования важна и для обеспечения прав подозреваемого.

Указанные факторы несомненно являются причиной того, что процедура принятия и регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях является одной из самых важных в уголовном процессе. Особенно это касается постсоветских государств, в которых до сих пор присутствуют негативные традиции сокрытия сотрудниками правоохранительных органов фактов подачи заявлений о преступлениях в целях собственного умышленного бездействия и в целях манипулирования статистикой и показателями эффективности работы.

Анализ статей Главы 23 УПК РК свидетельствует, что многие из ее положений нуждаются в детализации на уровне подзаконного акта. Принятие такого акта предусмотрено частью 3 статьи 180 УПК РК, где установлено, что порядок приема и регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях, а также порядок ведения Единого реестра досудебных расследований определяются Генеральным Прокурором Республики Казахстан.

В части первой статьи 179 УПК РК указано, что началом досудебного расследования является регистрация заявления, сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований либо первое неотложное следственное действие.

По сути – это единственная норма из Главы 23 УПК РК, содержащая общие положения о Едином реестре досудебных расследований. Все остальные статьи Главы касаются тех или иных аспектов начала досудебного расследования, но при этом непосредственно не регулируют вопросы, связанные с функционированием и наполнением Единого реестра.

Такое отсылочное регулирование ведения Единого реестра не является оптимальным с точки зрения построения уголовно-процессуального законодательства и данный серьезный пробел нового УПК должен быть безусловно устранен. Однако с учетом введения новой

¹ Настоящее заключение подготовлено Центром исследования правовой политики при технической поддержке Open Society Foundation. Мнения и взгляды, содержащиеся в заключении, не отражают точку зрения Open Society Foundation.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231- V.

редакции УПК уже с января 2015 мы исходим из того, что бы исключить какие-либо злоупотребления в этом плане. Следует максимально подробно регламентировать порядок ведения Единого реестра хотя бы на подзаконном уровне, причем такой нормативно-правовой акт должен носить открытый характер, без изъятий и исключений.

Таким образом, ответы на значительный массив указанных вопросов должны быть раскрыты в Порядке ведения Единого реестра досудебных расследований, утвержденном Приказом Генерального Прокурора. При этом в Порядке необходимо максимально полно регламентировать следующие моменты.

Прежде всего, в Порядке надо установить дефиницию Единого Реестра, которая бы отражала его природу в качестве автоматизированной системы электронной базы данных.

Необходимо указать все типы субъектов, которые являются сторонами в правоотношениях, связанных с ведением Реестра.

Представляется, что классификация таких типов может быть произведена следующим образом: 1) держатель Единого реестра; 2) регистратор Единого реестра; 3) пользователь Единого реестра.

Держатель Единого реестра. Судя по всему, им будет Генеральная прокуратура Республики Казахстан. На держателя Единого реестра возлагаются функции администратора электронной базы данных, в том числе контроль за порядком доступа к информации в Реестре и ее сохранности. Держатель устанавливает стандарты внесения той или иной категории информации в Единый реестр, общие стандарты фиксации и идентификации каждого входа в Единый реестр, ведет учет данных в Едином реестре, а также формирует предусмотренные Порядком базы внутренних данных, основанные на Едином реестре (база лиц, которым сообщено о подозрении; база о специфике различных категорий уголовных правонарушений; база статистических данных о уголовных правонарушениях, их расследовании, а также о лицах, проводящих расследование).

Подобные дополнительные функции Единого реестра предоставляют возможность в постоянном режиме доступа иметь объективную и полную картину об общем и региональном уровне преступности, эффективности борьбы с ней и т.д.

Является **нецелесообразным** наделение держателя Единого реестра правом издавать иные (кроме Порядка) нормативно-правовые акты, связанные с функционированием Единого реестра, поскольку ими могут быть подменены соответствующие нормы Кодекса.

Регистратор Единого реестра. Порядок должен точно и исчерпывающе определять круг сотрудников тех или иных правоохранительных органов, уполномоченных на внесение в него информации. Важно также определиться, в каком порядке, и в каком объеме будут выдаваться письменные извлечения или выписки из Единого реестра сотрудникам правоохранительных органов.

Кроме того, нужно указать, какие реквизиты и содержание должен иметь документ, который выдается потерпевшему о том, что его заявление зарегистрировано в Едином реестре (о необходимости выдачи такого документа говорит часть первая статьи 185 УПК РК). Также необходимо определиться, имеет ли право потерпевший на последующие извлечения из Единого реестра касательно его заявления, и в каких случаях.

Пользователь Единого реестра. Эта категория лиц – наиболее многочисленная, поскольку представляет собой всех сотрудников правоохранительных органов, которым разрешено получать информацию из Единого реестра. В связи с этим важным является вопрос ранжирования всех пользователей на определенные категории, различающиеся объемом доступных к ознакомлению данных по конкретным уголовным делам.

Следующим важным вопросом, который должен быть урегулирован Порядком, является информация об уголовном правонарушении и его расследовании, которая вносится в Единый реестр. В Порядке следует описать все виды данных, которые вносятся при регистрации заявления, сообщения.

Например, в Уголовном процессуальном кодексе Украины предусмотрено, что в Единый реестр вносятся сведения о:

- дате поступления заявления, сообщения об уголовном правонарушении или обнаружение из другого источника обстоятельств, свидетельствующих о возможном совершении уголовного правонарушения;
- фамилии, имени, отчества (наименовании) потерпевшего или заявителя;
- другой источник, в котором были обнаружены обстоятельства, свидетельствующие о возможном совершении уголовного правонарушения;
- краткое изложение обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного правонарушения, приведенных потерпевшим, заявителем или выявленных из другого источника;
- предварительная правовая квалификация уголовного правонарушения с указанием статьи (части статьи) Уголовного кодекса;
- фамилия, имя, отчество и должность уполномоченного лица, которое внесло сведения в Единый реестр.

Кроме того в Порядке может быть установлено, что в Единый реестр вносится и иная информация о каждом уголовном деле.

Скажем, в Украине в подобный реестр вносятся сведения о: передаче материалов дела от одного органа досудебного расследования другому органу; данные о следователях, которые совершают процессуальные действия по делу; дате задержания лица; применении, изменении мер пресечения; объявление о признании лица подозреваемым; продление сроков досудебного расследования и сроков содержания под стражей; объявления подозреваемого в розыск; установленный, возмещенный материальный ущерб, суммы предъявленных исков, стоимость арестованного имущества и т.д.

Также в Порядке необходимо предусмотреть, что каждому зарегистрированному заявлению или сообщению автоматически присваивается уникальный номер для его идентификации. Номер зарегистрированного заявления или сообщения и будет номером уголовного дела.

Анализ положений отдельных норм Главы 23 УПК РК приводит к выводу, что на уровне судебной практики и комментария к Уголовно-процессуальному кодексу Казахстана, а в будущем через соответствующие поправки в УПК РК, в целях защиты прав потерпевших и повышения дисциплины среди правоохранительных органов необходимо установить также следующие положения.

Во-первых, четко установить, что проведение сотрудником правоохранительных органов любых действий (кроме неотложных действий, указанных в Кодексе) в направлении досудебного расследования, до внесения сведений о уголовном правонарушении в Единый реестр, является недопустимым и влечет за собой ответственность, установленную законом, вплоть до уголовной ответственности за превышение должностных полномочий.

Во-вторых, в части первой статьи 179 УПК РК указано, что о начале досудебного расследования в течение суток уведомляется прокурор. Однако на уровне подзаконного акта обязательную письменную форму такого уведомления.

В-третьих, в части второй статьи 179 УПК РК говорится, что в случаях, предусмотренных частью первой статьи 184 УПК РК, прокурор, следователь, дознаватель, орган дознания до регистрации заявления и сообщения об уголовном правонарушении производят неотложные

следственные действия по установлению и закреплению следов уголовного правонарушения. Одновременно они обязаны принять меры к регистрации заявления и сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований, в том числе с использованием средств связи.

В связи с этим в Порядке важно четко указать временной промежуток, на протяжении которого прокурор, следователь, дознаватель, орган дознания, производящие неотложные следственные действия, должны сообщить об уголовном правонарушении лицу, ответственному за внесение соответствующих сведений в Единый реестр. Также важно указать исчерпывающий перечень неотложных следственных действий.

II. Одной из основных проблем, связанных с началом досудебного расследования, является безусловно обеспечение гарантий потерпевшего, что его заявление будет принято и внесено в Единый реестр, что в свою очередь автоматически сделает факты, изложенные в заявлении, предметом реальной проверки и в случае обнаружения оснований – поводом для начала уголовного производства – и таким образом, - государственной защитой прав субъекта, пострадавшего от уголовно наказуемых деяний.

Статья 185 УПК РК устанавливает, что орган уголовного преследования обязан принять и зарегистрировать заявление, сообщение о любом готовящемся, совершенном либо совершаемом уголовном правонарушении. Отказ в приеме и регистрации заявления об уголовном правонарушении и других поводов к началу досудебного расследования, предусмотренных частью первой статьи 180 УПК РК, не допускается и влечет установленную законом ответственность, а также может быть обжалован прокурору либо в суд в порядке, предусмотренном УПК РК.

Общепризнано, что в случае, если потерпевший считает необоснованным отказ от внесения информации о его заявлении в Единый реестр, он должен иметь право обжаловать такое бездействие в суд. И такое право предусмотрено частью первой статьи 106 УПК РК. Однако из нее следует, что потерпевший может обжаловать «отказ в приеме» заявления об уголовном правонарушении. В то же время в первой части статьи 179 УПК РК идет речь о процедуре «регистрации» заявления, сообщения об уголовном правонарушении. Очевидно, что при буквальной трактовке этих двух норм, выходит, что судья может обязать следственный орган принять заявление, но не зарегистрировать его. Поскольку, исходя семантического и логического толкования, прием заявления и регистрация заявления в Едином реестре – это разные процессуальные действия.

В связи с этим в Порядке следует решительно отказаться от каких-либо иных вариантов поведения регистратора при наличии заявления потерпевшего, кроме двух: 1) регистрация заявления в Едином реестре; 2) официальный отказ в регистрации заявления в Едином реестре с подтверждающим мотивированным документом, который в случае несогласия заявителя будет оцениваться на предмет законности в суде.

Порядок не должен предусматривать каких-либо других форм учета и приема заявлений об уголовных правонарушениях, кроме Единого реестра, так как существует риск квалификации «неудобных» для правоохранительных органов заявлений в качестве «обращений граждан» и регистрации их в иных системах учета входящей корреспонденции, не предусмотренных Кодексом.

Кроме того очень важным моментом должно быть отсутствие в Порядке каких-либо специальных требований к заявлению, кроме указания сведений о заявителе и его подписи.

Практика функционирования подобного реестра в Украине демонстрирует, что установление в Кодексе или подзаконном акте любых дополнительных требований к содержанию

заявления приводит к немотивированным отказам в принятии и регистрации заявления о преступлении на основании якобы несоответствия заявления неким правилам.

Так, например, правоприменительная практика Украины свидетельствует, что при обжаловании отказа следователя в регистрации заявления в Едином реестре, судьи часто узко толкуют соответствующие статьи УПК Украины. Это делается для того, чтобы исказить ее смысл утверждением о том, что для начала досудебного расследования заявление или сообщение должно содержать достаточные данные о наличии признаков уголовного правонарушения. Например, в одном из определений судья мотивировал отказ в удовлетворении жалобы на невнесение прокурором сведений в Единый реестр тем, что заявитель не назвал формальных признаков преступлений, которые он считает совершенными, а вместо этого привел собственные рассуждения и предположения касательно них³. Однако понятно, что обычные граждане не обязаны владеть специальными юридическими знаниями, чтобы при необходимости уметь «правильно» назвать формальные признаки преступления.

Подобная практика создает искусственные барьеры для регистрации заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях, поскольку основана на чисто субъективной оценке следователем, прокурором или судьей «правильности» информации в заявлении или сообщении. Напомним, такая практика в правовой системе Украины распространена даже несмотря на то, что Кодекс не предъявляет каких-либо требований к содержанию заявления, которое должно быть внесено в Единый реестр автоматически и безусловно. Поэтому законодательное установление дополнительных требований к форме или содержанию заявления (сообщения) о уголовном правонарушении может вообще нивелировать значение внедрения Единого реестра для защиты прав потерпевшего.

Надо четко понимать, что установление законодательных требований к содержанию или форме (кроме указания имени и фамилии заявителя и его подписи) заявления могут послужить дискредитации основного принципа данного института уголовного процесса, который можно сформулировать следующим образом: *лицо, которое считает себя потерпевшим или очевидцем уголовного правонарушения, имеет неоспоримое право на то, чтобы подписанное им заявление об указанном событии было немедленно зарегистрировано в Едином реестре.*

Негласные следственные действия

Реформа уголовного судопроизводства на протяжении 1990-2000-х годов на постсоветском пространстве привела к тому, что под влиянием международных рекомендаций и в силу исполнения взятых на себя обязательств перед Советом Европы и Европейским Союзом в Эстонии, Литве, Латвии, Молдове и Украине негласные следственные действия стали частью уголовно-процессуального закона.

Реформа тайного следствия в указанных странах состояла в достижении таких *параметров*:

- 1) распространение судебного контроля на большинство негласных следственных действий;
- 2) нормативная детализация негласных следственных действий;
- 3) ограничение негласных следственных действий делами о тяжких и особо тяжких преступлениях;
- 4) ограничение проведения негласных следственных действий четкими сроками;
- 5) внедрение процедуры сообщения лиц о проведении негласных следственных действий;
- 6) признание за протоколами негласных следственных действий аналогичного доказательного значения, как и за протоколами следственных действий.

---

³ <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/28483383>

Следует отметить, что указанные параметры четко отвечают международным стандартам в сфере прав человека, в частности права на невмешательство в частную и семейную жизнь.

Как известно, в статье 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основоположных свобод⁴ (далее – Европейская Конвенция) устанавливает, что каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Кроме этого, Международный пакт о защите гражданских и политических прав⁵ (далее – Международный пакт) в статье 17 устанавливает, что никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств.

Таким образом, государство может вмешиваться в личную и семейную жизнь человека не только на основании законной процедуры и оснований, но и лишь в тех случаях, когда это обосновано целями национальной безопасности и общественного порядка (в том числе в целях раскрытия преступлений). То есть вмешательство не может быть произвольным.

Как сказано в Замечаниях общего порядка, принятых Комитетом по правам человека в 1988 году⁶ в соответствии с пунктом 4 статьи 40 Международного пакта, введение понятия произвольности призвано обеспечить, чтобы даже вмешательство, допускаемое законом, соответствовало положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае являлось обоснованным в конкретных обстоятельствах.

Очевидно, что выяснить, что именно есть обоснованным в конкретной ситуации может незаинтересованный субъект, которым является суд. В этом состоит суть первого параметра, который выше был назван как *судебный контроль над негласными следственными действиями*.

Именно на необходимости судебного контроля сделан акцент во всех основополагающих решениях Европейского суда по правам человека, в которых дается толкование смысла статьи 8 Конвенции.

Так, Европейский суд считает, что в правовом государстве человек должен иметь доступ к эффективным средствам контроля, которые позволяют ограничить вмешательство до той меры, которая является необходимой в демократическом обществе (пункт 40 решения по делу Ламберт (Lambert) против Франции). И если говорить о специфике такого контроля, то речь будет идти прежде всего о средствах судебного контроля, который является наиболее

---

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека, ETS № 005) (Рим, 4 ноября 1950 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.05.1994 г.).

⁵ Международный Пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) Опубликовано: Бюллетень международных договоров РК, 2006 г., № 4, ст. 30.

⁶ Замечания общего порядка № 16 (1988 год) Комитета по правам человека о праве на неприкосновенность личной и семейной жизни, жилища и тайны корреспонденции и защите чести и репутации.

соответствующим в демократическом обществе для обеспечения независимости, беспристрастности и соответствующего процесса (пункт 55 решения по делу Класс и другие (Klass and others) против ФРГ; peurn 59 решения по делу Ротару (Rotaru) против Румынии; peurn 34 решения по делу Лупса (Lupsa) против Румынии).

Объем судебного контроля над проведением негласных следственных действий в указанных выше странах, реформировавших уголовный процесс, достаточно велик. Так, в Латвии все предусмотренные 11 мероприятий проводятся только по разрешению суда, в Украине – 9 из 12 мероприятий, в Молдове – 8 из 15, в Литве – все 5 действий, в Эстонии – 5 из 10.

В статье 231 УПК РК установлены виды негласных следственных действий. При этом только 4 вида из 10 видов мероприятий проводится по решению суда.

Санкции прокурора достаточно для осуществления следующих негласных следственных действий:

- 1) негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места;
- 2) негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи;
- 3) негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;
- 4) негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации;
- 5) негласный контроль почтовых и иных отправлений;
- 6) негласные проникновение и (или) обследование места;

Как следует из статьи 231 УПК РК, все виды негласных следственных действий, которые могут причинить наибольший вред частной и семейной жизни человека, в осуществляются с санкции прокурора, то есть по сути без надлежащего судебного контроля, что нарушает международные стандарты прав человека.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что УПК РК не вполне отвечает требованиям рассматриваемого стандарта.

Такой параметр, как *нормативная детализация негласных следственных действий*, в УПК РК присутствует на надлежащем уровне. Как видно из статей 242-251 УПК РК, им осуществлено четкое регламентирование вопросов содержания и проведения каждого из негласных следственных действий.

Что касается параметра, который звучит, как *признание за протоколами негласных следственных действий аналогичного доказательного значения, как и за протоколами следственных действий*. В данном аспекте УПК РК отвечает указанному требованию: статья 239 четко говорит о том, что протоколы исследования результатов негласных следственных действий, звукозаписи и записи изображений, фотографии, другие зафиксированные с помощью научно-технических средств результаты, изъятые предметы и документы или их копии используются в доказывании наравне с доказательствами, полученными в результате следственных действий.

Следующий параметр сводится к *ограничению негласных следственных действий делами о тяжких и особо тяжких преступлениях*. Надо отметить, что данный параметр основывается на формулировке в Конвенции по правам человека целей вмешательства государства в частную жизнь. Как было указано выше, такое вмешательство возможно только: в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений.

Однако даже в рамках указанных целей вмешательство государства не может быть чрезмерным. Оно должно четко отражать момент пропорциональности, то есть должен быть

соблюден справедливый баланс между общественным интересом и правом на уважение частной жизни человека.

Как отметил Европейский суд, степень вмешательства в частную жизнь должна быть соразмерной целям этого вмешательства, то есть быть действительно необходимой в условиях демократического общества (пункт 37 решения по делу Нимиц (Niemietz) против Германии).

Аналогичное положение содержится и в Замечаниях общего порядка от 1988 года, в пункте 7 которых указано, что компетентные органы должны иметь возможность получать только ту информацию о частной и семейной жизни индивида, которая необходима в интересах обществ (как эти интересы понимаются в Пакте).

В то же время в части четвертой статьи 231 УПК РК указано, что негласные следственные действия проводятся при наличии одного из следующих оснований:

- 1) по делам о преступлениях, санкция за совершение которых предусматривает наказание в виде лишения свободы от одного года и выше;
- 2) по преступлениям, подготавливаемым и совершаемым преступной группой.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что указанные два критерия являются недостаточными с точки зрения «необходимости в условиях демократического общества».

Более оптимальным, исходя из принципа пропорциональности вмешательства в личную жизнь человека, было бы внедрить на практике принцип, согласно которому такое вмешательство допустимо лишь при «расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе подготавливаемым и совершаемым преступной группой».

Следующим параметром выступает *ограничение тайного следствия четкими сроками*.

На наш взгляд, по этому параметру Кодекс не может быть признан удовлетворительным. Так, согласно статье 236 УПК РК, подлежащее санкционированию негласное следственное действие проводится в срок не более тридцати суток. Общий срок проведения негласного следственного действия может быть продлен прокурором области или приравненным к нему прокурором до шести месяцев.

Однако в то же время указанная статья позволяет Генеральному Прокурору Республики Казахстан или его заместителями продлевать сроки проведения негласного следственного действия на фактически любой срок. В условиях отсутствия судебного контроля над основаниями, целесообразности и причинами продления сроков проведения негласного следственного действия, думается, что в данном аспекте УПК РК содержит значительный риск злоупотреблений правоохранительными органами своими полномочиями в сфере проведения негласных следственных действий.

Данное положение не отвечает требованиям международных органов по правам человека в аспекте того, что каждое вмешательство в частную жизнь должно иметь законодательные гарантии от злоупотреблений. И одной из таких гарантий является четкое законодательное установление максимальных сроков проведения негласных следственных действий (пункт 116 решения Европейского суда по делу Вебер и Саравиа (Veber and Saravia) против Германии).

В пункте 4 Замечаний общего порядка от 1988 года также указано, что даже когда вмешательство в частную жизнь и является законным, оно не может быть произвольным. Вместе с тем отсутствие законодательного урегулирования вопроса касательно максимально возможных сроков проведения негласных следственных действий, есть однозначным примером именно произвольного характера такого вмешательства.

В целях приведения законодательства Республики Казахстан в этой части в соответствии с международными стандартами следует изменить анализированное положение нового УПК РК или на подзаконном уровне, временно решить эту проблему.

Параметр *внедрения процедуры сообщения лиц о проведении негласных следственных действий* в УПК РК отражен в статье 240. Тут указано, что лицо, в отношении которого проводились негласные следственные действия, вправе ходатайствовать об его ознакомлении с не приобщенными к расследованию сведениями в пределах, исключающих разглашение государственных секретов и иной охраняемой законом тайны. Ходатайство рассматривается следователем, дознавателем, прокурором, а при поступлении ходатайства в период рассмотрения дела судом - судьей. Следователь, дознаватель, прокурор, судья вправе отказать в удовлетворении ходатайства об ознакомлении с не приобщенными материалами, если это может представлять существенную угрозу жизни, здоровью или охраняемым законом интересам какого-либо вовлеченного в уголовный процесс лица или если это затрагивает тайну частной жизни третьего лица.

Таким образом, лицо которое знает о совершении в отношении него негласных следственных действий, далеко не во всех случаях будет иметь доступ к тем материалам уже завершённых негласных следственных действий, которые правоохранительные органы собрали в отношении него. Его доступ будет зависеть от степени обоснованности его ходатайства и специфики самих негласных следственных действий.

Согласно пункту 10 Замечаний общего порядка от 1988 года, каждое лицо должно иметь право знать о том, какая информация собрана о нем государственными органами, и с какой целью. Лицо имеет право требовать уничтожить содержащуюся в распоряжении государства информацию о себе, если она собиралась или обрабатывалась в нарушение положений закона.

Вместе с тем практика Европейского суда последовательно идет гораздо дальше и считает, что каждому лицу, относительно которого совершалось вмешательство в частную жизнь, должна быть предоставлена возможность знать об этих фактах, в независимости от того, является ли это лицо участником уголовного производства, или нет.

Вопрос о последующем уведомлении лица о проведенных в отношении него негласных следственных действий, является важным, так как *«в принципе у гражданина имеется мало возможностей на обращение в суд, если его не поставят в известность о мерах, принятых без его ведома, и он даже впоследствии не сможет оспорить их законность»* (пункт 57 решения по делу Класс против Германии). То есть рассматриваемый параметр является важной частью механизма судебного контроля за каждым фактом вмешательства государства в частную жизнь.

Естественно, право на доступ к указанной собранной информации о лице может быть реализовано им только в случае полного завершения всех мероприятий и связанных с законным использованием информации, полученной в результате их проведения. Также исключением может быть основание, когда государство справедливо считает, что полный доступ к определенной информации о том или ином лице, которой располагают органы, осуществляющие в той или иной стране оперативно-розыскную деятельность, поставит под угрозу эффективность функционирования системы негласного наблюдения, направленной на защиту национальной безопасности и на борьбу с терроризмом (пункт 102 решения по делу Сегерстедт-Виберг и другие (Segerstedt-Wiberg and others) против Швеции).

Положения УПК РК не вполне отвечают указанному параметру.

Приведем пример учета данного параметра Уголовным процессуальным кодексом Украины: «Статья 253. Уведомление лиц, в отношении которых проводились негласные следственные (розыскные) действия. 1. Лица, конституционные права которых были временно ограничены

во время негласных следственных действий, а также подозреваемый, его защитник, должны быть письменно уведомлены прокурором или по его поручению следователем о таком ограничении. 2. Конкретное время уведомления определяется с учетом наличия или отсутствия угроз для достижения цели досудебного расследования, общественной безопасности, жизни или здоровья лиц, причастных к проведению негласных следственных (розыскных) действий. Соответствующее уведомление о факте и результатах негласного следственного (розыскного) действия должно быть совершено на протяжении 12 месяцев с дня прекращения таких действий, но не позже обращения в суд с обвинительным актом».

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы касательно усовершенствования законодательного регулирования защиты прав человека при проведении негласных следственных действий согласно с международными стандартами.

Во-первых, необходимо существенно увеличить количество негласных следственных действий, которые могут быть осуществлены только с разрешения суда. К сожалению, данное замечание не может быть устранено на подзаконном уровне или на уровне комментария к Кодексу.

Во-вторых, необходимо установить, что негласные следственные действия могут осуществляться только при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений. Данное положение может быть только частично отражено на подзаконном уровне. Например, путем установления в подзаконном акте ряда требований к наличию дополнительных обоснований, которые выдвигаются к ходатайству следователя о проведении негласных следственных действий по преступлениям, не являющимся тяжкими и особо тяжкими.

В-третьих, необходимо четко и однозначно определить сроки, дольше которых то или иное негласное следственное действие не может осуществляться. Данное положение может быть воплощено в жизнь на подзаконном уровне: в акте, регулирующем порядок проведения негласных следственных действий.

В-четвертых, необходимо на подзаконном уровне четко описать исчерпывающий перечень оснований, которые могут быть использованы для запрета лицу иметь доступ к тем материалам уже завершенных негласных следственных действий, которые правоохранительные органы собрали в отношении него. Это поможет устранить элемент лишней дискреции в действиях правоохранительных органов по отказу в удовлетворении соответствующих ходатайств и повысит уровень защиты прав лица, в отношении которого негласно собиралась информация.

Ноябрь 2014 г.